

ACADEMIA

тания («Эмил или о воспитании» Руссо), моделированием ландшафтов комфортно обустроенного жизненного мира.

Таким образом, метаморфозы вкуса (от базовой интенции воспроизведения жизнедеятельности через редукцию как разновидности чувства к совершенной формы субъективного суждения) предусматривают включение его установок в формообразование художественного, которое одновременно выступает исторической формой эстетического, но в то же время предусматривает дистанцию от непосредственности чувственного переживания.

Е. Г. СОКОЛОВ

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет*

О ПОЛЬЗЕ/ВРЕДЕ ПОЭЗИИ, РОМАНТИЧЕСКОЙ — В ОСОБЕННОСТИ, ИЛИ КАРЛ МАРКС

В статье обзревается наследие К.Маркса с позиций современности. Особенное внимание уделяется поэтическому творчеству мыслителя, вошедшему в пятидесятитомное собрание сочинений. Делается вывод, что автор абсолютно лишен поэтического дара и чутья (как обычно они понимаются). И свой позор, и свой грядущий триумф — у потомков, которые единственные и смогут его оценить в полной мере — юноша «прозревал» и добровольно клал себя на алтарь страданий. В общем, типичный пример романтического непризнанного гения». Маркс, безусловно — великий гений «всех времен и народов». К имени, делам и работам которого как обращались, так и будут обращаться впредь. Но гений вселенского масштаба — это только и исключительно романтический гений. Другие эпохи гениев не порождали, культивируя другие антропологические типы. И об это следует всегда помнить. Маркс, также как и его великие современники (Гегель — в том числе может и должен рассматриваться как преимущественно романтический герой, а его наследие — как реализация романтических интенций) — в полной мере укладывается в пределы ведущей для своего времени и своего региона образно-смысловой доктрины, ничуть не выходя за ее границы.

*«Вместе жизни лишиться
И в дыханье одном раствориться»*

К. Маркс «Ночь»

*«Барабанчик — не человек, человек — не барабан.
Барабанчик слишком уж умный, человек — просто болван»*

К. Маркс «Человек и Барабанчик»

В позднесоветские времена ходила такая присказка-анекдот. Два еврея свели с ума весь цивилизованный мир: К. Маркс — коммунистически-социалистический; З. Фрейд — капиталистический. Как известно, в любой шутке есть *доля* шутки, а значит — и *доля* правды. В всяком случае, едва ли кто другой в означенных противоборствующих мирах был столь же востребован, любим, почитаем, беспрекословно авторитетен и непогрешим в своих высказываниях, работах, мыслях, действиях и предвидениях. Под Маркса, так же как, впрочем, и под Ленина, «жизнь мерили», с ними соотносили стремления и поступки, они, как пелось в песне, были «живее всех живых» и, казалось, будут жить в веках. Но случился неслышанный

конфуз: все же почтили. И как представляется, безвозвратно. Фрейд же... Ну, у него другая судьба. На сегодняшний день — счастливая, но узреть грядущее едва ли кто отважится. Впрочем, если в случае с Ульяновым-Лениным факт изъятия его — и его наследия — из общественной жизни, а значит и смерти, можно диагностировать с большой вероятностью — его если и вспоминают, то — как почти канонически утвержденную фигуру зла, дьявольский исторический персонаж, некий окаянный прецедент, железным катком проехавший по жизни миллионов и это уж практически не подлежит ревизии, — разве что в рядах старичков-ветеранов, мило-забавно, даже трогательно и вполне миролюбиво стоящих с «иконками» вождя на груди на малочисленных пикетах у станций метрополитена, беззаветно преданных «идеям Ильича», ну да ведь их остается все меньше с каждым днем, а молодежь не спешит принять «эстафету», — то в случае с Марксом не так все просто и однозначно. Он не изгнан полностью и окончательно ни из общественной жизни, ни из общественной мысли. Неомарксизм — политэкономический в первую очередь — это вполне себе сегодняшний день (пусть и не самый авангардный), отнюдь не дела старины минувшей. С ним спорят, на него ссылаются, ему посвящают исследования, все еще вчитываясь, вглядываясь, вдумываясь в оставленные им тексты. Даже вот задумали аккуратные немцы издать полное собрание сочинений своего великого соотечественника, аж в 100 с лишним томах (еще не законченное на данный момент), призванное вроде как восстановить «подлинность» и очистить мыслителя от искажений и превратностей, кои ему инкриминировала советская доктрина, прикрывая его наказаниями собственные произвол и безобразия. Что, однако, не помешало в 1990 году вернуть городу Хемницу, носившему имя К. Маркса с 1953 года, его историческое название. И adeпты марксизма, так же как и его «серьезные» противники (кои также участвуют в увековечении памяти) нынче не только уходящее поколение исследователей-гуманитариев и политиков, вскормленных и взращенных текстами и мыслями немца. Если бы речь шла только об «остаточном явлении», некоем окказиональном, рудиментарном и исторически уже ушедшем способе форматирования сознания, вмонтированности в определенную мыслительно-терминологическую программу, которая ушла вместе с крахом социализма и коммунизма, то крест на будущем К.Маркса можно было бы ставить без колебаний. Но в том-то и дело, что здесь играют гораздо более существенные факторы, по отношению к которому все его пролетарско-революционные экскурсы и апелляции являются не более, чем «потешными» и «необязательными» и чисто риторическими «фигурами речи», некая дань «модным тенденциям» середины и второй половины 19 века, ошибочными и побочными, необязательными практическими выводами (ленинско-социалистическими в первую очередь, от которых то и пытаются отшелушить наследие), в основании которых лежат якобы точные, верные, обоснованные и нетленные постулаты, по которым как развивалась, так и — с зигзагами и отклонениями, которые уже предугадывались в самой модели — продолжает развиваться мировой процесс. Не берусь утверждать — справедлива такая позиция или нет: я не очень хорошо разбираюсь в истории, имею весьма приблизительные представления об экономике (они ограничиваются двумя годами вузовского курса по политэкономии капитализ-

ма и социализма, скроенных, разумеется, по марксовой концепции), и не имею ни малейшего желания ни вглядываться, ни вдумываться в политическую проблематику: исход советского времени, который застал своей юностью, думается, начисто отбил всякий интерес у моего поколения к сим сферам. Считается до сего дня, что если избавить Маркса от всех пролетарско-революционных реверансов, то...

ПЕВЕЦ КАПИТАЛИЗМА / ТРИУМФ ЭКОНОМИКИ

*Соломон сказал, что миром движет ум,
Христос – сердце,
Маркс – желудок.*

*Ну а Фрейд сказал, что миром движет то, что располагается еще ниже
(поговорка-анекдот последних лет советской власти)*

Даже нервное, раздраженное, скорое на публичные акции и громкие заявления «вражеским голосам» столично-ленинградское диссидентство 70–80 гг. прошлого века, с легкостью и сладострастием нападавшее на Ленина, обвиняя его во всех возможных грехах (в том числе и, мягко говоря, интеллектуальной слабости) к К. Марксу относилось если ни с почтением, то — с уважением. Развенчание и предание анафеме советско-социалистической доктрины, случившееся в последнее десятилетие XX века, счастливым образом почти не коснулось нашего персонажа. Досталось всем «строителям коммунизма». Едва ли кто из основателей и деятелей пролетарских государств избежал социально-политической обструкции и ярких разоблачений. Разве что восточные деспоты, по букве вроде как также попавшие в эту же компанию — Ким Ир Сен и Мао Дзе Дун, ну да с ними — совсем другая и очень особая история. А вот Маркс — нет. Или — почти нет. Ибо считалось — и до сего дня это не оспорено, — что в первую очередь и прежде всего он — философ. По первому образованию, по духу, по ряду работ. Да и фигурирует в числе последователей-развивателей-улучшателей/ухудшателей весьма и весьма почетных, прямо даже культовых имен — Гегель и Фейербах (в первую очередь), примыкая к крылу младогегельянцев. Авторитет последних едва ли мог быть поколеблен сменой какой-либо политически-идеологической конъюнктуры, что более, чем справедливо. Под сенью сих гигантов и Маркс продолжал существовать, упоминаться, изучаться и анализироваться, пусть даже и в качестве профанного прецедента. Не берусь с уверенностью утверждать, насколько правомерно упоминание Маркса среди серьезных последователей Гегеля и Маркса, что он там «вложил», «перевернул с ног на голову» (или наоборот), где и в чем «развил и продолжил» теорию, в чем противоречил (по существу, т.е. что стоило бы вообще принимать в расчет) — это удел историков философии. Только... работ-то у Маркса философских, серьезных, основательных, развернутых ведь нет. До сего дня в репертуаре программа фигурируют «Экономически-философские рукописи» 1844 г., «Тезисы о Фейербахе» (1845 г.), «Немецкая идеология» (1846 г. в содружестве с Ф. Энгельсом) и «Нищета философии» (1847 г.). Это и есть корпус собственно философских работ. Первая — рукописи 1844 г. — едва ли может вообще рассматриваться всерьез, ибо являются авторским наброском так и не написанного сочинения, и содержат в себе, порой несвязные

мысли, фрагментарные, с трудом поддающиеся структурированию и объединению в неких сквозной концепт. Напомню, что работа была не закончена, оставлена и опубликована лишь в 1932 г. «Тезисы» — они и есть тезисы — четыре страницы! «Немецкая идеология» — вроде бы да, более или менее философично, есть вроде бы и концепт — «материалистическое и критическое представления о мире». Но если повнимательнее вдуматься, то получится следующее. Во-первых, содружник и соавтор Ф. Энгельс. Соавторство всегда вещь лукавая: поди разбери, кто чего сказал, да написал Во-вторых, работа также не была закончена, также была издана спустя почти век. И наконец, главные персонажи, вокруг которых и крутилась критическая интрига — Фейербах, Бауэр и Штирнер (Подзаголовок — «Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков») персонажи, мягко говоря, метафизически не самые «топовые». Остается «Нищета философии» — бодрый «Ответ на «Философию нищеты» господина Прудона». И написана без соавторов, и издана при жизни, да и объем не смешной — 120 страниц (по каноническому советскому 2 изданию собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса), но что касается тематики, так тут возникают сомнения: здесь автор концептуально связно впервые изложил исходные положения своего экономического учения и вместе с тем основы созданного им и Энгельсом материалистического понимания истории. Опять-таки: как экономический проект или социально-философский (лучше сказать, социологически-историософский) — несомненно. А в остальном, едва ли написанное с полным правом можно отнести к фил софическому ведомству, разве что по очень большому желанию. Что еще остается, из менее значимого? — Среди часто упоминающихся — «К критике гегелевской философии права» (1843), что вряд ли нанесло какой-либо урон гегелевской теории, «К еврейскому вопросу» (1844) и «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (1845), посвященные весьма частным вопросам, отражающие сути полемику, происходящую вокруг анализа текущих событий, в которых Маркс принимал живейшее участие. Еще раз вопрошу: где же тут, собственно говоря, философия? Когда я читал, конспектировал, штудировал и сдавал эти работы на экзаменах, то изумление мое было неизменно (к тому времени, когда мы осваивали курс «История марксистско-ленинской философии», то немецкая классика с ее безумными, фантастическими, запредельными концептами уже была пройдена и некоторое представление о том, что такое философия в ее совершенных, абсолютных и эталонных образцах имелось): к самим текстам можно относиться по-разному, это, в конце концов, дело вкуса, но вот что касается предметно-дисциплинарной идентификации, то... уж позвольте¹.

Второй догмат: К. Маркс — великий экономист, точнее — политэконом, основоположник так называемой теории прибавочной стоимости, вскружившей голову не одному поколению аналитиков-теоретиков различной профессиональной ориентации, реформатор и разработчик категориального аппарата, посредством которого

¹ О Ф. Энгельсе умолчу: там случилась история не менее интересная, хотя и совсем другая.

до сего дня фиксируется, описывается и анализируется (а также и прогнозируется) вообще социокультурная реальность как таковая. И едва ли ни всякий, кому приохотится по сему поводу рассуждать, а таковым — несть числа, так или иначе вынужден пользоваться марксовым терминологическим инструментарием. А это — уже более, чем серьезно. И именно тут-то, как представляется, «собака и зарыта». Дело, разумеется, не в словах, терминах, понятиях как таковых: если бы все ограничилось пределами кабинетной сугубо спекулятивной дискурсивности — удела немногих чудаков-ученых! Кабы так оно было, не миновать Марксу скорого и полного забвения. Дело в статусе и как нынче говорят рейтинге экономической разметке среди иных культурных практик, в ракурсе и горизонте рассмотрения, ставшем нормативным при анализе социальной реальности, утвердившейся в гуманитарном знании последних полутора-двух веков, да и не только в нем, но и в повседневной риторике, определившей варианты фиксации процессуальности, как текущей, так и ушедшей — исторической. Безусловно, К. Маркс был, есть и будет самой крупной и выдающейся фигурой в политэкономии. Ни отдаленные предшественники — меркантилисты (15–17 веков, по сути дела легализовавших данный термин), ни ближайшие — А. Смит и Д. Рикардо, подхватившие эстафету, ни современники-соратники-оппоненты С. де Сисмонди, Т. Мальтус, П. Прудон, ни тем более многочисленные последователи и опровергатели, поток которых не иссякает до сего дня² (а это ведь по сути дела все племя экономистов-теоретиков и политиков-практиков) не могут сравниться по масштабу с исторической фигурой К Маркса.

² Забавно. Д. Белл, один из отцов-основателей доктрины постиндустриального (информационного) общества и один из ее авторитетнейших апологетов 1974 году выпустил довольно объемный труд «Грядущее постиндустриальное общество», смысловой и доктринальной точкой отсчета в которой выступал К. Маркс, точнее, его, Маркса, социально-экономический проект. Американский социолог подверг очередной критики футурологический прогноз немца, пожурил последнего за недалекость, указал на ошибки, ну и предложил свой, бэлловский, вариант перспектив развития, весьма, как представлялось оппоненту Маркса, отличного. Поразительно даже не то, что и через сто лет в «местах» не зараженных коммунистической лихорадкой, творческая мысль ученых обращается к основателю научного социализма: антикоммунизм — основательный и солидных блок авторов разного профиля, теорий, тем, сюжетов, с которыми научный коммунизм без труда квитался. Удивляется другое: речь, казалось бы идет о явлениях социальной реальности, которая сильно изменилось за столетие. Описывать и исследовать ее вряд ли можно, используя устаревший аппарат. И тем не менее, именно им, марксовым — в качестве мыслительной модели, сценария, смысловых точек, способа построения собственной интеллектуальной интриги — Д. Белл пользуется, наивно полагая, что сказал что-либо принципиально и концептуально новое и отличное. Да нет же. Марксист он, утвердитель постиндустриального общества. Причем — правотверный, ибо никуда за пределы прочерченного Марксом дискурсивного сценария не выходит.

Ище забавнее. Как утверждает газета «Известие» от 16.10.2008 «В интервью журналу *Der Spiegel* в октябре 2008 года министр финансов Германии Пер Штайнбрюк под влиянием мирового финансового кризиса осторожно сказал: Стоит признать, что определённые части теории Маркса действительно не так плохи».

Не имеет значение в нашем случае, что способствовало утверждению его всемирного авторитета — глубина и мощь авторской мысли, политическая конъюнктура, идеологические апелляции, неугомонный характер, многочисленные гонения, поза пророка-гения-мессии, родственные и дружественные связи, преданность и рвение соратников, разгоряченная ненависть оппонентов, или — чистая прихоть случая. Но это — несомненно. К. Маркс — культовая фигура для европейского самосознания последних двух веков: по нему не только коммунисты сверяли себя, но и их рьяные противники, безоговорочно полагавшие и полагающие основой движения и эволюции человеческой истории, всемирным перводвигателем и универсальным объяснительным принципом неисчислимых метаморфоз, происходящих в человеческом обществе (фундаментом), выступали «требования желудка», т.е. — экономическая целесообразность-выгода-интерес. Это вроде как альфа и омега, уже не вызывавшая в ушедшем веке каких-либо сомнений. Спорить могли о конкретных вариациях, личинах, способах проявления и обнаружения, механизмах и технологии, законах действия в тех или иных окказиональных обстоятельствах, стадиях и этапах, тенденциях и движущих силах скрытого или явного характера, но это все — разговоры вторичного свойства, когда относительно аксиоматического уровня уже был достигнут консенсус. То, что подобное утверждение, мягко говоря, дискуссионно, а может быть и вовсе потешно — в позапрошлом столетии было очевидно. Так же как и то, что данная транскрипция реальности есть некий региональный, если точнее — английский, великобританский ракурс — взгляд на происходившее когда-либо в поднебесье. Все перечисленные выше мыслители в истории идей являют собой эшелон второго, если не более отдаленного, ряда. Не следует забывать, что с 849 года К. Маркс вплоть до смерти жил в Великобритании, где и создал свой главный труд — «Капитал». Интеллектуальная атмосфера страны — весьма и весьма отличавшаяся от любой другой европейской, где были свои кумиры и собственные непоколебимые догмы (мнения) — очевидна. Так же как и сама ситуация, когда с мировой арены усилиями долгих десятилетий (и напором очень разных причин), а то и веков были устранены все остальные конкуренты и Великобритания стала на почти полтора века владычицей и мира, и морей. Понятен и энтузиазм, и пафос, и непоколебимая уверенность в истине провозглашенных принципов имевших столь отчетливый экономически-политэкономический окрас. Владыка всегда ведь определяет (на данный момент) характер физиогномики истории, так же как и назначает знаменательные вехи предшествования. И доказательства правоты — мощь и сила, неспособность другим противостоять, результатом чего, опять-таки, могут быть очень разные обстоятельства. Искус объяснить при помощи простых и понятных схем всё чудовищное многообразие случившегося когда-либо слишком велик, и ни одна тотальная доктрина, тем более воодушевленная успехом, этого не избежала. То же, что экономическая доктрина тотальна по своей природе, в общем-то, и не скрывается, а даже и наоборот — всячески навязывается и повсеместно пропагандируется. Марксова сугубо, казалось бы, экономическая модель, может быть и верно описывающая конкретную ситуацию момента (места и времени), но распространенная на всю человеческую историю — а это произошло, точнее, уже проис-

ходило благодаря всемирной великобританской империи и до «Капитала». — мягко говоря не работает стало очевидно вскорости. Вся эта поэтика производственных сил — производственных отношений, исторических формаций, движущих сил развития, прогресса и пр. спотыкнулась о непреложность фактов: а как быть с остальным миром, располагавшимся вне пределов (русским, азиатским, латиноамериканским, африканским и др.) новоевропейской культурной компетенции? Вопрос, что называется, риторический. Или — идеологический. Да и в самой Европе все не так однозначно происходило.

Как это ни парадоксально может прозвучать, но в дополитэкономические эпохи об экономике не шибко задумывались, и мало кто вообще привлекал ее для построения масштабных историософских концепций. Что, разумеется, не вело к пренебрежению требований «желудка». Существовали другие аргументы: Бог, Правда, Закон, Кровь, Вера, Слово, наконец, Избранность. Слово вроде как древнее, древнегреческое, и временами встречалось. Но в случае с Ксенофонтom, которому по традиции приписывают первый вариант терминологической институализации данного слова, т.е. придание ему статуса термина, и с Аристотелем — прародителем всего и вся, ибо был настолько универсальным, что приверженец любой новомодной «завиральной идеи» непременно откопает-таки в его текстах алиби собственному вздоху, — сим словом обозначалось область, изначально не рассматриваемая в качестве сколько бы то ни было значимой — ведение хозяйства, учет имеющейся утвари, домоведение: οἶκος — дом, место и νόμος — правило, закон, исчисление. И — все. Больше ничего. То, что покрывалось данным понятием, изначально не могло притязать ни на всемирность, ни на тотальность, ни, тем более, на сколько бы то ни было существенное внимание: иные значимости управляли людскими поступками. Итак, просто «домоводство», даже ежели под домом — ойкуменой — подразумевается большой социальный ансамбль — полис, город, государство, империя. Рвение в собственном огороде — все это, разумеется, хорошо и правильно, но есть ведь и более интересные, а главное важные дела, на которые стоит тратить и интеллектуальные, и энергетические ресурсы. В лучшем случае, домохозяйствование — не более, чем прикладная ведь область, «инструмент для...». Абсолютно уверен, что в домарксовы времена никому и в голову не могло прийти, что человеческий мир зиждется на экономическом базисе, а великие исторические свершения, так же как и пафосно-патетические воззвания их декорирующие, являются всего лишь видимой частью экономического «айсберга». Напомню, еще в 19 веке во всех уважаемых европейских университетах экономика если и преподавалась, то лишь в качестве отдельных курсов, преимущественно для студентов юридических отделений и факультетов, ни о какой самостоятельной специальности даже и речь не шла. И лишь в 20 веке экономисты стали плодиться повсеместно и во множестве, заняв почетное место в структуре разделения труда. В России до Ленина также эту сферу не шибко жаловали, даже и иронизировали над «аглицким» новомодным поветрием, завладевшим умами юношей: «И был великий эконо́м, т.е. умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему, не нужно золота ему, когда простой продукт имеет. Отец его понять не мог и земли отдавал в залог» (А. С. Пушкин).

Не берусь судить, насколько без Маркса и его идей экономика имела бы шанс утвердиться в качестве краеугольного камня всей социальной системы, и — главный движущей причиной трансформаций, происходивших в человеческом сообществе, но то, что она, экономика, была им теоретически легализована — несомненно. В самом деле, само по себе домохозяйство (само по себе, без каких-либо более существенных подпирающих его аргументов — алчности, злобы, наслаждения, власти, Бога), повторю, даже и возведенное в ранг необходимого и постоянного усилия, вряд ли могло притязать на фундаментальность. Но в том-то и дело, что Маркс предложил очень понятную, очень простую, доходчивую и непритязательную схему всемирно-исторического развития, в которой роль перводвигателя и главного провокатора, пусть даже и бессознательного, как раз и играл экономический интерес. Последнему и был придан статус социальной универсалии. Иначе говоря, историософский концепт, предложенный немцем, именно конкретные экономические интриги и сопутствующую им процессуальность полагал центром людского универсума: базис, общественное бытие. Высказанное Марксом предположение оказалось очень востребованным и в социалистическом лагере, где ухватились за одни частности (вся эта романтика пролетариата, оков, освобождение от рабства, ликвидация неравенства, коммунизма и пр.), и в других, цивилизованных как нынче называется, странах, где даже и споря, и не соглашаясь по сути дела с пустяками, все равно ухватились за схему, смысловую, теоретическую. Однако, как хорошо известно, глубокие идеи имеют мало шансов завладеть умами миллионов и стать камертоном эпохи. Даже и наоборот: малоубедительны или и просто — незначительные прорываются в шеренгу знаменосцев. Так случилось, напомним, с идеями Ф. Бэкона, что легли в основание концепта реальности новоевропейского сознания, в котором мы все еще продолжаем жить, во всяком случае, на официальном уровне. То же самое — и с Марксом. Стоит обратить внимание, что в обоих случаях — и «Новый органон», и «Капитал» — мы имеем дело с незавершенными трудами, т.е. авторы, по-видимому, были не слишком удовлетворены своими трудами, видели недостаточное количество изъянов и погрешностей, которые требовали доработки, уточнения, развернутых комментариев, теоретической шлифовки. Не думаю, что мы можем считать эти тексты итоговым и полным выражением авторского кредо, скорее — лабораторией мысли, неким движением, которое теряется в бесконечности, или — в вечности, к которой оба уже приложились.

НЕСЛЫХАННОЕ И НЕБЫВАЛОЕ

*«Как вилась в моей душе, бывало,
Песен пламенная нить
Звуки удержат душа желала,
Их моля — не уходить...»
К. Маркс «Музыка души»*

Когда на 4 курсе университета я после долгих поисков, «выстаивании в очередь» в букинистических магазинах сумел-таки купить целиком 50-томное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (дефицитом в советские времена были не

только Конан Дойл и Александр Дюма), то радость моя была безмерна: не надо сидеть в библиотеке, сверять «выходные данные» (цитат (ссылаться на другие издания работ классиков считалось дурным тоном), ну и вообще — пиетет был, также как и наивная надежда, свойственная моему поколению, что отыщу в этих книжках что-то важное, нужное, полускрываемое и неафишируемое. И разряда: «не за то Маркс-Энгельс-Ленин боролись, на что мы благодаря Брежневу и еже с ним нынче напоролись». Пролистал, не могу похвастаться, что прочитал, все тома. Самым большим открытием было содержание 40 тома, где были помещены, по большей частью впервые переведенные, стихи К.Маркса. Оказывается, классик не чурался поэзии. Да еще как не чурался — 250 страниц! Поразили меня в тот момент даже не то, что в юности классик баловался стихоплетством, а то, что об этом практически никто не знал. Большинство, к кому я обращался — а это были специалисты в области марксизма-ленинизма — либо пожимали плечами, мол, не слышали, либо отмахивались — что-то слышали, но ничего сказать вразумительно не могли. Филологи — в том числе. Маркс, сочинения которого цитировались по миллиону раз, в любых обстоятельствах, при каждом удобном и неудобном случае, без ссылок на работы которого не могло сказаться ни одна научная — гуманитарная в первую очередь — реплика, все у нас переведенные и напечатанные работы растажигованы во множествах вариантов, откомментированы, проиллюстрированы, объяснены и построчно, и пофразово и по разделам, — так вот Маркс-поэт был полностью игнорируем. Покупка моя состоялась в середине 80-х годов, 40 том вышел — в 1975. Времени вполне достаточно, чтобы освоить, переработать, изучить и — уж как минимум — пересмотреть историю немецкой и мировой литературы, возведя автора в ранг великих зачинателей, родоначальников, гениев, провидцев и в этой области. Так ведь нет же, не случилось. «Качество» текстов — об этом ниже — тут принципиального значения не имело, да и сегодня не имеет, гораздо принципиальнее другое: текущая идеологическая конъюнктура, которая более, чем благоволила в тот момент Марксу. Он вполне мог притязать и на статус классика литературы всемирного масштаба. И почему тогда все молчали, никто не обратил внимание? Если же в стихах был какой «подвох», какая-то несогласованность с генеральной линией партии того момента, что и стало причиной полузапрета, то зачем тогда вообще напечатали, не изъяли, не поместили в спецхран, благо подобная практика «борьбы с недоглядом» была во множестве раз уже опробована? То, что классик написал и еще кое-что, помимо того, что помещено в 50-томном собрании сочинений, мы, конечно же, знали, даже и шептались, что, мол, ежели некоторые его труды перевели бы, то это вынудило бы сильно поерзать партийных бонз. Как я понимаю сейчас, то были обычные полудиссидентские сплетни-ухмылки. Не думаю, что когда наконец напечатают 100-томное полное собрание его сочинений, то нас ждут откровения и прозрения. Скорее — разочарование: также как М. Кундера и М. Фуко полагаю,

³ Среди таких вот забавных и очень приятных сюрпризов была пьеса Писарева «Горька судьбина», чтение которой породило массу мыслей и эмоций, коими, надеюсь, как-нибудь при случае поделиться.

что нарушение авторского завещания, гласного или негласного, предавать публичности ими, авторами, по той или иной причине отвергнутое, — не шибко хорошее и правильное дело. Итак: почему напечатали и никак не отреагировали? — До сего дня это остается для меня загадкой. Никаких предположений у меня на сей счет нет.

Когда я прочитал стихи молодого К. Маркса, то возразился необычайно. Даже и восхитился. Всякая такая встреча, порой случающаяся, — откровение: я всегда знал, что читать плохие книжки чрезвычайно полезно во всех отношениях. Поэтому с педантизмом просматриваю — хотя бы оглавление — все книги, что попадают в мой дом, даже и пару десятков абзацев из разных мест выхватываю глазами³. Осмыслять тогда усмотренное в поэтических текстах классика было некогда, да и нужды не было, но кое что — чисто интуитивно — стало проясняться, некоторые вещи мне стали если не ближе, то понятнее. Сегодня в интернете о Марксе также пишут немало. И даже стали его стишки просачиваться, немногие, десяток, не больше. Их обсуждают, иногда глумливо и ернически, иронизируя над слабостями свергнутого с пьедестала величия, гения, иногда — вполне серьезно. Даже и пытаются эти стихи как-то откомментировать, определить. Из встречающихся и активно обсуждаемых мнений превалируют два: де, сатанист и некрофил, во всей своей красе, а теория его, просмотренная в ракурсе младенческих проговорок, — дьявольский жидо-масонский заговор; и — хорошие стишки «дедушка» крапал, качественные, жаль, что свихнулся в последующем на коммунизме. Не буду комментировать эти мнения и вступать в дискуссию. Попробую высказать свой взгляд, который убегает в совсем другие горизонты.

То, что стихи К. Маркса — плохие, и это становится ясным с первых же строк, да и последующие не опровергают первого впечатления, — значит, ничего не сказать. Они — ОООООЧЕНЬ плохие. Автор абсолютно лишен поэтического дара и чутья (как обычно они понимаются). Но это, в конце концов, не имеет никакого значения. Господи, какую только дрянь ни помещают люди (рука не поворачивается назвать их титулом автора) на серверах типа stihi.ru (Стихи.ру). И ничего — цензура в лице админа пропускает, инет выдерживает. Даже и читатели-комментаторы находятся. В corteже таких вот рифмоплетов и Маркс — с его-то всемирным авторитетом — вполне еще имеет шанс состояться как полноценный поэт. Но мне интереснее другое, по сравнению с чем, качество его поэтического наследия, — вторично. Если точнее, признают ли его стихи эксперты-профессионалы, буде такие найдутся, гениальными, хорошими, терпимыми, вполне себе профессиональными или никуда негодными, — не важно. Итак, обращаю внимание на следующие моменты. Стихи — это первые, самостоятельные, законченные и отданные на прочтения, тексты (1833–37 гг.), которые им были написаны в жизни. А это — очень показательно. Начал 15-летним юношей, еще обучаясь в гимназии, закончил уже будучи студентом берлинского университета. И можно было бы считать увлечение поэзией некоей данью и молодости, и времени. Мол, кто же в нежном возрасте, в пору первой влюбленности не спешит излить свою душу стихами! Но это — не так, не более, чем предубеждение: далеко не у всех сей зуд возникает и в таких объемах реализуется. Время, разумеется, провоцировало и стимулировало: на дворе бушевал

вовсю романтизм уже прошедший период бури и натиска, слегка поуспокоившийся и начавший всерьез приглядываться к «таинственностям» (братья Гримм, Гофман, Гейне — многолетний и верный друг четы Маркс). Если взглянуть на портреты молодого Маркса, то сомнений не возникнет: перед нами томный, нежный, возвышенный романтический юноша, в глазах и в душе при этом скрывающий «вселенскую тоску», мистическое «еврейское» томление, одухотворенную скорбь. Образ очень характерный: можно сказать классическая поза вечно мятущегося, неуспокоенного, взбудораженного и, непременно, непонятого гения, пришедшего спасти мир, но так и оставшегося непонятым, и более — изгнанным, растоптанным. Разумеется, и свой позор, и свой грядущий триумф — у потомков, которые единственные и смогут его оценить в полной мере — юноша «прозревал» и добровольно клал себя на алтарь страданий. В общем, типичный пример романтического «непризнанного гения», которые, как писал М. Элиаде, буквально наводнили всю Европу с начала 19 века. Маркс был, уверен, и остался до конца своих дней (ни мудрости, ни спокойствия, ни глубины с годами не появилось, о чем достаточно хорошо свидетельствуют факты его биографии: с пол оборота «взрывался», был капризен и нетерпим к любому оппоненту) таким вот «страстным юношей с пламенным взором», смотревшим на мир идеалами своей молодости и ими же его, мир, оценивая. Безусловно, натура очень творческая и экзальтированная. Ну а творческим натурам в то время в Германии были предусмотрены, по сути дела, только два равноуважаемых варианта художественной реализации — поэзия и музыка. Музыка — отпадает. А вот поэзия — вроде как «можно попробовать». Да, и еще, конечно же — любовь! Ну куда же без нее!

Сохранились — уж и непонятно как, не раз я встречал в литературе свидетельства о том, что рукописи были им самим сожжены — несколько, условно говоря, циклов. Это — две «Книги любви» и «Книга песен», посвященные любви всей жизни — Жени фон Вестфален, на момент написания первых строк еще даже не невесты (обручение состоялось только в 1836 г.), Тетрадь стихов, посвященная отцу, из альбома и записной книжки сестры Софии. О чем вздыхает лира поэта? — О, об очень хорошо известных вещах. Мотивный строй — более, чем банален. Разумеется, это и «поэт с пламенной и возвышенной душой», и «тоска, сжимающая сердца в глухую ночь», и «любовь до гробовой доски», и бесконечные «прощания навсегда», и «тщетный зов», и всякие «смертельные боли», «бури» и «жалобы», даже есть «Романс о гробнице». По жанру — в основном баллады, романсы, песни и сонеты. Это то, что касается обращений к любимой: в общем, «все плохо», «все умерли», итог — «гробовая доска». Вокруг этого в основном и кружит мрачная муза Маркса. Это — не некрофилия, и не пужалки-страшилки, но обычная риторика времени, если точнее, поэзии той эпохи. Стихи будущей г-же Маркс видимо очень нравились, коли сохраняла, и вполне отвечали ее ожиданиям и надеждам — в итоге же вышла замуж! Очевидно, она, также как и он, понимали, что *только в таких словах, образах, метафорах и мотивах должна выражаться настоящая любовь*. Тематика обращенных к отцу стихов — поразнообразнее. Наряду с уже встречающимися в «Книгах любви» «скорбностями и темностями людской земной юдоли» (правда,

атмосфера мягче, спокойнее, более лирична, не так концентрировано безысходно, что понятно: всеж-таки адресат — папенька, зачем его пугать понапрасну!) содержатся и некоторое количество сатирических опусов «Сентиментальные души», «Новомодная романтика», «Моей соседке напротив», «Психология медиков» (чем-то эскулапы ему не угодили в то время, их он удостоит несколькими поэмами), «Человеческая гордость» и пр. Даже и ряд эпиграмм написал. Более всего досталось... Гегелю и, как ни странно, Фихте, Шиллеру и Гете. Таким образом, критика учителя началась еще в юности, посредством жанра эпиграммы, когда он еще оставался по внешности вполне себе рьяным его, Гегеля, последователем. По жанру — баллады, элегии, песни, эпиграммы, дифирамб. Есть даже и сцены из трагедии «Оуланем» и главы из юмористического романа «Скорпион и Феликс». Все чин — чином: есть и «гордый поэт», и «бледная девушка», и негодяи медики, и филистеры, и «борение духа», и «преград бури», что преодолеваются титаническими усилиями воли и духа. Фрагменты из записной книжки и из альбома Софии в общем и целом повторяют адресованное отцу и Жени. Я сознательно не цитирую тексты стихотворений Маркса, дабы не ставить никого в неловкое и странное положение. Себя в том числе: над вырванными из контекста строчками всегда легко глумиться. А в нашем случае соблазн слишком велик. Любой, кто захочет без труда добудет либо сам том, либо электронный вариант одного и пусть насладится (коли сумеет). Мне кажется, что общий вердикт своим ранним, юношеским творениям вынес сам автор, по сути дела от них открестившийся и после 1837 года никогда более к сему поприщу не возвращавшийся. Человек-то был образованный, прекрасно осознавал, что — не его, не тянет, а ежели будет упорствовать, так только своей репутации повредит. Ограничивать же «свой писательский зуд» только «альбомами друзей», по-видимому, не хотел. Отмечу лишь одно: стихи его по большей части очень длинные, автор чрезвычайно многословен, по многу раз повторяет одно и то же, да и образно-тематический строй не слишком разнообразен. Ну да, что есть — то и есть.

«КАПИТАЛ» И «МАНИФЕСТ»

*«Жарко творческое пламя
Из груди твоей лилось,
Вскоре с этими огнями
Сердце и мое сжилось.
Арфою золотой они звенели,
Пламя сердца нежностью одели.»*
К. Маркс. «Творчество»

Не знаю как другим, но мне эти работы К. Маркса очень нравятся. Нравились с самого начала, хотя и обстоятельства знакомства с ними — академическая учебная повинность, необходимость штудировать-сдавать, бесконечно цитировать, позднесоветское время, пропитанное затаенной злобой ко всему коммунистическому — были не самыми благоприятными. «Капитал» я изучал в первый год обучения в университете в курсе «Политэкономия капитализма». Конспектировал, сознаюсь, без особого удовольствия, ибо меня, как правило, привлекали не те фрагменты, из

которых составлялся каркас интеллектуальной интриги, но какие-то иные, более лиричные и описательные, ничего не прибавляющие, как представлялось, к теории. Текст как текст на русском языке (на немецком не берусь судить) — хороший. Это, разумеется, не поэтическое пиршество красок и полутонов, но чувствуется и размах, и фактурность образов, и то, что называется, «принудительностью дискурса». Одно лишь меня озадачивало уже тогда: насколько вообще этот опус можно считать достоверным научным исследованием, рассматривать в качестве теоретической базы, на основе которой выстраивается социологическая модель. То, что проговоренное в «Капитале» мало согласовалось с тем, что происходило у меня на глазах — это было очевидно. Лишнее доказательство тому злополучная политэкономия социализма, к изучению которой мы приступили на втором университетском курсе. Концепция — ежели вообще о ней можно говорить — последователями и развивателями (и теоретиками, и, в особенности, практиками) благополучно разваливалась, а марксовские прогнозы на отдаленное будущее окрашивались тем самым в мечтательные полутона, утрачивая пророческий пыл. Обновления, вносимые исходя из контекста событийных реалий, многочисленными последователями, были не слишком убедительны. Ну да ладно, предсказывать — дело неблагодарное. Однако, даже и весьма поверхностное, отрывочное и фрагментарное знакомство с историей — мировой — также демонстрировала, что с диагнозом Маркса не все обстоит благополучно. Это прекрасно понимали и рьяные апологеты классика, выдумывая разные «уточнения» (вроде, «азиатского способа производства», не уточняя, что суть это такое). Ни нашу, отечественную историю, ни даже европейскую, а уж тем более мировую в прокрустово ложе культурно-исторических формаций уложить абсолютно невозможно, даже если и очень постараться. Тогда... остается еще капитализм, свидетелем, современником и исследователем которого Маркс вроде бы был. Поскольку никакого опыта жизни в капиталистическом мире у меня и моих современников тогда не было и в помине, мы могли лишь подозревать, что там творится или творилось век-полтора тому назад, то можно было надеяться. Увы, крах советской системы, опыт последних двух десятилетий, лавина ранее неизвестных книг, обрушившаяся на наши головы, бесчисленные мнения и свидетельства современников Маркса о том, что происходило в Европе в середине и во второй половине 19 века, убеждают, что нарисованная классиком, такая красивая, понятная, доступная и дорогая (поскольку разъясняла все и вся: и о том, что было, и том что есть, и о том, что будет, тем самым избавляла от беспокойства и неуверенности, порождаемые неведомым) сердцу россиянина, не совсем соответствует действительности. И это — мягко говоря. Созданное Марксом — не более, чем его фантазия. Роскошная, притягательная, «сшибающая головы», причем, в массовом количестве, пьянящая и завораживающая, но — фантазия. Что же касается «Манифеста» — так тут, уверен, ни у кого и сомнений не возникало: блеск, да и только. Удивляюсь лишь тому, что никто из композиторов героически-патетического дара не использовал этот текст для создания какого-нибудь масштабного произведения ораториально-кантатного жанра. Вот уж похлещи «Обнимитесь миллионы» вышло бы! Ну да не все еще потеряно.

Теперь можно сделать некоторые предположения-выводы из всего вышесказанного. Не для развенчания кумира и не для очередного глумления над ним я все это проговорил, вспомнив про юношеские стихи гения. Их вполне можно было бы оставить без внимания: канонизированный парадный портрет – во всех смыслах — мыслителя уже давно создан и едва ли нуждается в подновлении или детализации. Маркс, безусловно — великий гений «всех времен и народов». К имени, делам и работам которого как обращались, так и будут обращаться впредь. Но гений вселенского масштаба — это только и исключительно романтический гений. Другие эпохи гениев не порождали, культивируя другие антропологические типажи. И об это следует всегда помнить. Маркс, также как и его великие современники (Гегель — в том числе может и должен рассматриваться как преимущественно романтический герой, а его наследие — как реализация романтических интенций) — в полной мере укладывается в пределы ведущей для своего времени и своего региона образно-смысловой доктрины, ничуть не выходя за ее границы. И в том нет никакой новosti, либо открытия: так в ту эпоху смотрели на мир. Немецко-еврейский (а это тоже не следует сбрасывать со счетов) мыслитель был безмерно одарен и обладал удивительной чувствительностью, позволявшей ему «видеть» мир, откликаться на его, мира, боли и страдания со всем пылом благородной души. Романтические гении, они ведь к тому же еще и пророки мессианского масштаба, призванные самими собой спасти мир. Об этом также стоит помнить. И жизнь, и произведения, и тон, и поза, и сохранившиеся прижизненные портреты К. Маркса насквозь пропитаны такой вот напряженной и концентрированной патетикой. А его идеи? = Они также суть романтические идеи, и по мотивному строю, и по стилистике, и по риторике. С точки зрения истинности — так кто ж его знает, как оно было или есть на самом деле. То, что происходит перед моими глазами, чему я был свидетелем, не слишком согласуется с марксовыми предположениями. А о прошлом пусть задумываются историки. В конце концов и бесчисленные последователи, и бесчисленные же противники немца сходны в одном: они лишь утверждают им предложенную картину мира.

Что же касается его произведений — «Капитала» и «Манифеста» — то и здесь возможны некоторые корректировки отношения или ракурса взгляда. Маркс с самого начала был и до самого конца оставался *поэтом*. Ну да, вроде как не сложились у него теплых отношений с поэзией, осрамился, отказался. Однако, не все так однозначно. Не сложились у него отношения не с поэзией, но с определенным концептом поэзии, с тем, что подразумевалось под ней в конкретно-исторический период времени. Ну принято было — и до сего дня это является наиболее распространенным представлением, — что под стихами, романами, пьесами подразумевается род дискурсивно-текстовых последовательностей, использующих определенный набор опознавательных детекторов-детерминативов. По им-то и совершаются процедуры идентификации. Ничего криминального в том нет: любой жанр или вид деятельности, художественное творчество в том числе, всегда подразумевает некий набор «опознавательных знаков» (субстратных, смысловых, операционных, деко-

⁴ С. Жижек. «13 опытов о Ленине». М. 2003, с. 5.

ративных), благодаря которым и существует в своей автономности, т.е. институализируется. Поэт — это о том-то и так-то. Но «так» и «о том» у Маркса не получалось, не выходило. Но минувший двадцатый век внес много изменений и новаций в практику искусства, равно как и предложил различные варианты способов артикуляции и концептуализации художественного жеста, тем самым весьма расширив наши представления о творце и даре. В поэзии (литературе), так же как, впрочем, и в живописи таких инноваций едва ли ни более, чем в других отделах художественной корпорации. Причем, они начались именно здесь они начались раньше всего (в поэзии — с парнасцев, в живописи — с импрессионистов), а потому монополия «истинного искусства» (напомню, гегелевский концепт искусства заканчивался романтическими инновациями, соответственно, романтизм — последняя и, как говорит философ, высшая стадия кульминация развития всей области) давно уже оспорена, а вариативность построения конкретного проекта воспринимается спокойно. «Манифест» — это ж поэма, поэма освобождения, в прозе, где, можно сказать, присутствует весь «антураж» вселенского борения: и призраки, и могильщики, и гробовщики, и прометеевы оковы, и хрестоматийные узурпаторы-злодеи, и спасение, и жертвы, и вселенский очистительный пожар, и Мессия. Как раз те персонажи, к которым так любил обращаться юноша в своей любовной лирике. Ну а «Капитал» — это роман. Именно. Есть и главный персонаж — товар, тот самый чемоданчик, вокруг которого закручивается нешуточная интрига. Во времена Маркса героем романа не мог быть предмет или понятие в принципе, а нарративные перипетии — происходить только и сугубо в «абстрактных горизонтах», без всякой привязки к реалистической образности. Это — эйдетическая сфера — вроде как удел философствующих. Но философствовали ведь тоже по-разному, поэтически в том числе. Почему обратное невозможно? Литературой (даже и поэзией) чего только не называли и не называют. Коли «Ригведу» печатают в серии «Литературных памятников», так почему и «Капитал» не просмотреть с этого же ракурса, не подвергнуть его литературоведческой экспертизе, применив при анализе определенный, филологический, инструментарий? Мне кажется, что много всего любопытного и полезного отыщется, а наши представления о способах выражения творческого потенциала неизменно расширятся.

Я не одинок в своем мнении о К. Марксе и его наследии. Да и не только свои собственные мысли я изложил выше. «Замыкание» некоторых интуиций, предположений, предчувствий случилось когда почти десять лет тому назад я прочитал работу С.Жижика «13 опытов о Ленине», выпущенную почему-то КИРФ (ох недальновидны нынешние коммунисты!), где буквально первой же странице я прочитал следующее: «Первая реакция публики на идею об актуальности Ленина — это, конечно, вспышка саркастического смеха. С Марксом все в порядке сегодня, даже на Уолл-стрит есть люди, которые любят его: Маркса — поэта товаров, давшего совершенное описание динамики капитализма, Маркса, изобразившего отчуждение и овеществление нашей повседневной жизни.»⁴ Вот тут-то всю и сложилось: поэт! Роман! Поэма!